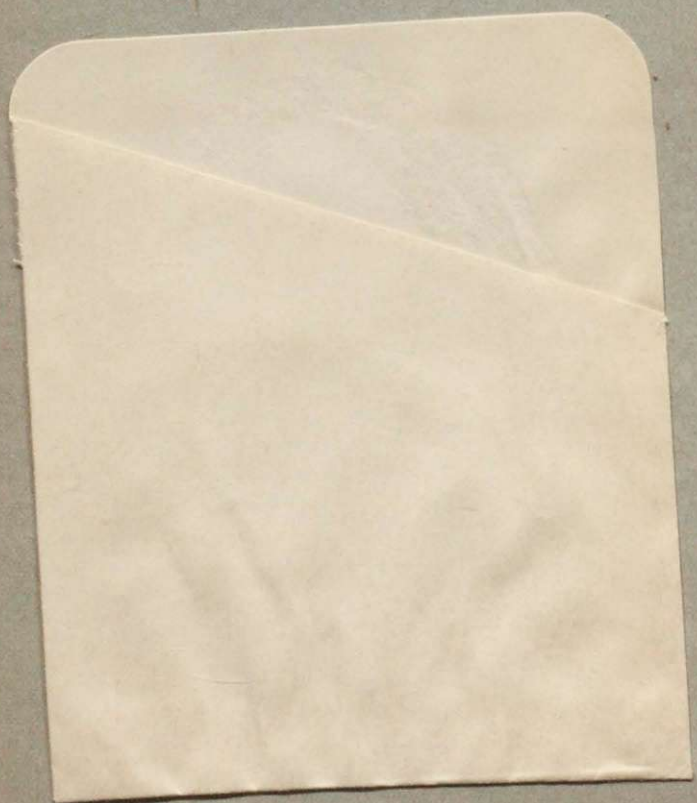

E $\frac{80}{660}$

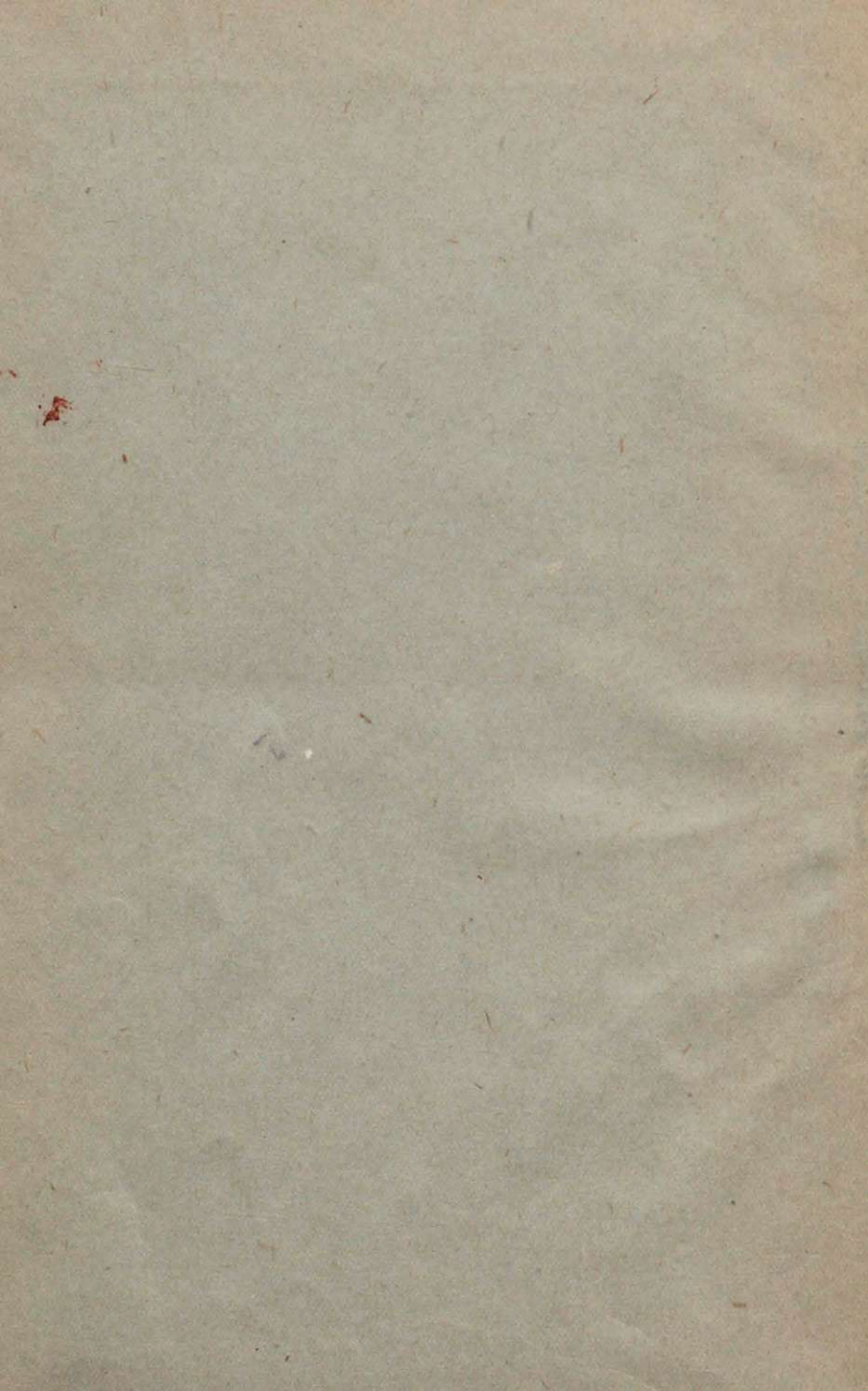
1867

ЭБ

На возврат

£ 80
660

91-79
11945

КРЫМЪ

ВЪ ПОЛОВИНЪ XVIII СТОЛѢТІЯ

О. БРУНА.

ИЗД. И. ФЕДОРОВА.

ОДЕССА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. НИТЧЕ.

1867.

2007110112

24893-0

Дозволено цензурою. Одесса, 12 Ноября 1867 года.

КРЫМСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ,

ОКОЛО ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Нижеслѣдующій очеркъ переведенъ мною изъ статьи, помѣщенной въ Запискахъ Вѣнской академіи наукъ (XL, 550 — 593), подъ заглавіемъ: «Walachei, Moldau, Bessarabien, die Krim, Taman und Asow (in der Mitte des vorigen Jahrhunderts). Ein topographisch-ethnographischer Beitrag zur Kenntniss der damaligen Türkei. Aus dem Türkischen übertragen: von dem e. M. Ottokar Freiherr von Schlechta Wssehrd».

Изъ предисловія нѣмецкаго переводчика мы узнаемъ, что онъ извлекъ статью эту изъ сочиненія турецкаго чиновника, которое сохранилось въ рукописи, и то, кажется, въ одномъ только экземплярѣ, у государственнаго совѣтника Суби-бея (Ssubhi-Bey) въ Константинополѣ. Трудъ этотъ состоитъ изъ трехъ томовъ, заключающихъ въ себѣ, на 327 стр. in fol., описаніе Египта, западной Африки, европейской Турціи, христіанской Европы и Америки, съ замѣтками объ устройствѣ двора, войска и флота Оттоманской имперіи.

«Должно думать», замѣчаетъ г. Шлехта, «что сочиненіе это было написано не позже пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка, поелику авторъ о многомъ говоритъ какъ очевидецъ, позднѣйшее же datum имъ отмѣченное 1742 годъ».

Такъ какъ та именно часть его замѣтокъ, которая явилась въ Запискахъ Вѣнской академіи, для насъ еще интереснѣе, чѣмъ для Нѣмцевъ, то я считалъ не лишнимъ сдѣлать ее доступною для русскихъ читателей, въ невозможности пользоваться для своего перевода турецкимъ оригиналомъ и въ неизвѣстности скоръ ли онъ удостоится вниманія кого-либо изъ нашихъ оріенталистовъ.

Предоставляя себѣ представить публикѣ въ другомъ мѣстѣ переводъ замѣтокъ турецкаго автора о румынскихъ княжествахъ и Бессарабіи, я ограничусь здѣсь сообщеніемъ того, что онъ говоритъ о Крымѣ, съ окрестностями, съ присовокупленіемъ впрочемъ къ его словамъ замѣчаній, заимствованныхъ мною отчасти изъ дневника фельд-маршала графа Мюниха о крымскомъ походѣ 1736 г., изданнаго Германомъ (Beiträge zur Geschichte des russischen Reichs; Leipzig, 1843 стр. 117 — 229), по рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Саксонскаго главнаго государственнаго архива.

Хотя дневникъ этотъ, мастерски начертанный, представляетъ намъ весьма любопытныя подробности о топографіи Новороссійскаго края, равно какъ и о попыткахъ для присоединенія его къ Имперіи, тѣмъ не менѣе онъ до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, еще не былъ переведенъ на русскій языкъ. Посему то именно я рѣшился пользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы познакомить любителей отечественной нашей исторіи и географіи хоть съ нѣкоторыми отрывками изъ записокъ «Сѣвернаго Евгенія», къ которому мы въ полномъ правѣ примѣнить замѣтку Квинтиліана о дѣяніяхъ Юлія Цесаря: eodem animo dixit quæ bellavit.

Ф. Врунъ.

Крѣпость *Очаковъ* (Ози) лежитъ подъ 58 гр. дол. и 48 гр. шир., въ 36 часахъ отъ Бендеръ, при рѣкѣ того-же имени (Озису: Дибпръ). Хотя тутъ нѣтъ гавани, тѣмъ не менѣе корабли, безъ опасности, могутъ стоять на якоряхъ предъ крѣпостью. Вода Дибировская тамъ не сладка, потому что морская вода проликаетъ въ рѣку выше Очакова, противъ котораго стоитъ крѣпость *Килибурна* (Килибурунь) съ особеннымъ комендантомъ (1). Очаковъ не въ состояніи препятствовать козацкимъ чайкамъ пробираться въ море изъ Дибпра, такъ какъ онъ тутъ имѣетъ четыре мили ширины.

Русскому-же флоту крѣпость можетъ преградить путь въ море. Чтобы обезопасить себя и противъ козаковъ, были заложены въ 1090 (1679) году, не далеко отъ укрѣпленія Тегинскаго (Тоганъ-иссари) двѣ крѣпосцы, мѣшавшія имъ пробираться въ

Черное море (2). Но по причинѣ продолжавшихся успѣхъ въ невѣрныхъ, обѣ эти крѣпосцы были затѣмъ покинуты. Впрочемъ и нынѣ еще существуютъ два укрѣпленныхъ пункта и удобный для плаванія лиманъ, названный «Березанскій». Выше Очакова протекаетъ рѣка Бугъ, называемая также Акъ-су. Рѣка сія идетъ изъ Россіи. Въ сосѣдствѣ Тегинскаго укрѣпленія лежитъ «Карендашюнъ-Ормани» (Дѣсь моего брата, нынѣ Козацкіе Лагери, противъ Херсона), гдѣ обитаютъ Запорожскіе козаки (Потвали), которые въ прежніе времена были подвластны Крымскимъ ханамъ, и служили поденщиками для жителей Очакова, Аккермана, Бендеръ и Кишин. Называли ихъ по этому «Теръ-оглу» (потѣющіе-парни). Иногда также ихъ продавали въ рабство кунцамъ Константинопольскимъ и Египетскимъ, и тѣмъ подавали поводъ къ многимъ жалобамъ, со стороны атамана козацкаго, крымскому хану и командующимъ въ тѣхъ мѣстахъ сераскирамъ. Впрочемъ никто не обращалъ вниманія на это. Козаки суть невѣрные весьма храбрые и воинственные, числомъ до 12,000 и вооружены ружьями. Они въ своей средѣ не терпятъ женщинъ, но пополняются молодыми людьми изъ Россіи и Польши, бѣжавшими отсюда ради какого-либо преступленія. Нѣкогда они были подвластны Высокой Портѣ и доставляли ей въ военное время контингентъ легкихъ войскъ, всегда готовыхъ къ бою и быстрыхъ какъ вѣтръ. Но въ 1135-мъ (1722 — 1723) году, въ царствованіе крымскаго хана Менгли-Герая, они снова жаловались на продажу въ неволю, по ихъ словамъ, не менѣе 500,000 козаковъ изъ разныхъ городовъ и портовъ Бессарабскихъ. Но въ этотъ разъ не внимали ихъ жалобѣ. Русскіе, бывшіе дотоле ихъ смертельными врагами, пользовались раздраженіемъ у нихъ происходившимъ по сему случаю, чтобы предложить Портѣ предоставить ихъ власти всѣ племена козацкіе. Последніе тщетно просили, чтобы сего не дѣлали. Но, не внимая ихъ гласу, дали себя надуть со стороны невѣрныхъ и уступили Россіи болѣе 12,000 людей способныхъ носить оружіе. Но это приращеніе могущества Москвитянъ еще болѣе усилило ихъ желаніе овладѣть всѣмъ Чернымъ моремъ. Вскорѣ спустя они взяли Азовъ и проникли въ 1149 (1736) году даже въ Крымъ, взявъ приступомъ Перекопъ (Оръ), коего жителей увезли въ плѣнъ въ Россію.

откуда ихъ возвратили уже по истеченіи долгаго времени. Когда правительство (турецкое) это узнало, то оно послало Мегмеда-пашу, зятя Топалъ-Османъ-паши, сераскиромъ, съ 60,000 человекъ отборнаго войска къ Дунаю, гдѣ онъ остановился при Карталѣ, противъ Исаки, не получивъ позволенія двинуться далѣе. Затѣмъ прибылъ немедленно и силидаръ Сейджибъ Мегмедъ-паша съ священнымъ знаменемъ и переправился въ Исаки, но затѣмъ также не тронулся съ мѣста. Яги-паша, тогдашній комендантъ Очакова, просилъ его о пособіи, извѣщая, что Русскіе уже перешли черезъ Бугъ и приближались къ крѣпости. Но кіая великаго визиря, Османъ, объявилъ это извѣстіе пустою выдумкою и не обращалъ никакого вниманія на письменное донесеніе. Между тѣмъ невѣрныя дѣйствительно подступили къ Очакову и начали его осаду (3) Взрывъ пороховаго магазина имъ много благопріятствовалъ. Часть крѣпости была разрушена пушечными выстрѣлами; остальная была предана разграбленію, и пережившіе обитатели увезены голые въ плѣнъ. Въ Очаковъ былъ назначенъ русскій коммендантъ, и часть русской флотиліи получила тамъ свою станцію. Между тѣмъ стояли въ Карталѣ, какъ могъ лично убѣдиться находившійся при священномъ знамени авторъ этихъ строкъ, не менѣе 200,000 яничаръ, не считая кавалеріи. Но къ чему они пригодились, не предпринявши ничего для спасенія города. Въ то самое время Менгли-Герай былъ назначенъ ханомъ Крымскимъ и посланъ съ Родоса въ Карталъ, для возвращенія Очакова. Двѣ недѣли до дня Св. Дмитрія новый сераскиръ Бендерскій Гендишъ-Али также двинулся къ Очакову, осажденному такимъ образомъ соединенными ихъ силами. Но вскорѣ зима наступила; ханъ возвратился черезъ Дибиръ въ Крымъ и остальные войска разѣялись, оставляя на мѣстѣ багажъ. Многіе изъ раненыхъ погибли жалкимъ образомъ подъ льдомъ и снѣгомъ. Главная армія также возвратилась въ Константинополь, послѣ чего Русскіе взорвали укрѣпленія Очакова и стерли ихъ съ лица земли. Но по ихъ отступленію они снова были выстроены Портою.

Очаковъ снабжается водою для питья изъ колодцевъ, находящихся на часъ разстоянія отъ города, ибо рѣчная вода въ содѣйствіе соленовата. За то вокругъ лежащая равнина прекрасна

и плодородна. Климатъ также хорошъ. Въ окрестностяхъ водятся многочисленныя стада рогатаго скота, овецъ и лошадей. Въ сосѣднихъ степяхъ встрѣчаются дикія овцы, дикія лошади и также — въ дикости живущіе люди. Предъ нашествіемъ Русскихъ, население было весьма зажиточно, такъ что вовсе не было убогихъ. Но такъ какъ жители во многихъ отношеніяхъ не наблюдали мѣры, то Богъ ихъ наказалъ пришествіемъ невѣрныхъ. Желаящіе отправляться изъ Очакова въ Крымъ, переправляются на понтонахъ въ Кинбурнъ. Оттуда степь, имѣя въ протяженіи 36 часовъ, тянется до Перекопа. Степь эта, въ которой путешественники проводятъ двѣ или три ночи, называется Гайгаты (Haihät?).

Входомъ въ Крымъ служитъ *Перекопъ* (Уръ), лежащій подъ 63 гр. долг. и 49 шир., на перешейкѣ, который ограничивается съ правой стороны Чернымъ моремъ, съ лѣвой-же — Азовскимъ. Перешеекъ этотъ, имѣющій въ протяженіи полторы мили (4,) снабженъ высокимъ укрѣпленіемъ и ровомъ въ 7 пикъ (ок. аршина) глубины и 20 пикъ ширины. На берегу лежитъ каменная крѣпостца съ предмѣстьемъ. Вода получается изъ колодезь. Садовъ и огородовъ вовсе нѣтъ въ окрестностяхъ, подходящихъ на островъ. Впрочемъ климатъ здоровый и зима мягка. По причинѣ недостатка въ лѣсѣ, топятъ навозомъ. И Перекопъ былъ въ свое время взятъ Русскими, (5), которые его взорвали минами. За тѣмъ онъ былъ снова выстроенъ правительствомъ, такъ какъ онъ есть врата и оплотъ Крыма. Къ сожалѣнію никогда не обращали на это достаточнаго вниманія: въ противномъ случаѣ не оставили-бы превратить его въ одну изъ сильнѣйшихъ и лучшихъ крѣпостей.

Крымъ есть островъ, имѣющій видъ треугольника и 700 миль въ объемѣ и находящійся въ связи съ твердою землею посредствомъ перешейка Перекопскаго, который имѣетъ въ ширину полторы мили. Онъ населенъ Татарами. Главный ихъ городъ, резиденція хановъ, называется Бакчисарай. Всѣ города и мѣстечки подвѣдомственны хану, за исключеніемъ Каффы и крѣпости Еникале, гдѣ оттоманскіе паши командуютъ.

Каффа (Кеффе), хорошо обстроенный городъ и сильная крѣпость, лежитъ подъ 65 град. долг. и 47 град. шир., на разстояніи 464¹/₂ миль (морскихъ?) отъ Константинополя. Городъ этотъ, по правдѣ, перлъ (Schmuck) всего острова. Принадлежа прежде Генуэзцамъ, онъ при султанѣ Магометѣ (II) былъ завоеванъ для Порты, вмѣстѣ съ Азовомъ и Мангуномъ-Гедикъ-Ахмедъ пашею, который туда былъ посланъ съ флотомъ и плѣнилъ находившагося тамъ Менгли-Герая, потомка Гаджи-Герая. Отправленный въ Константинополь, онъ тамъ былъ содержанъ въ заточеніи нѣскольکو дней султаномъ, но за тѣмъ, по представленію Мирзы-Бега, который, указывая на потребность правителя, просилъ, чтобы его назначили провизорнымъ ханомъ съ тѣмъ, чтобы онъ призналъ верховную власть Порты — былъ освобожденъ, награжденъ барабаномъ и знаменемъ и въ сопровожденіи отряда оттоманскихъ войскъ отправленъ обратно въ Крымъ. Тутъ Мирза-бегъ выступилъ ему на встрѣчу и ввелъ его торжественно въ Бакчи-сарай.

Въ Каффѣ, гдѣ, какъ было сказано, имѣетъ свою резиденцію турецкій губернаторъ, относительная численность татарскаго населенія не велика; невѣрныхъ, напротивъ того, тамъ находится много. Послѣдніе занимаются выкупомъ рабовъ и ихъ отправленіемъ въ Польшу и Россію. Въ Каффѣ 12 греческихъ и 32 армянскихъ церквей. При завоеваніи сего города Портою, въ немъ число жителей доходило до 6,000 семействъ съ 30,000 рабовъ. И нынѣ еще онъ въ хорошемъ состояніи, имѣетъ красивыя мечети, бани, базары и считается важнымъ торговымъ мѣстомъ, которое часто посѣщается купцами Константинопольскими и Транезунтскими. Многія изъ тамошнихъ баней и магазиновъ суть фундуши въ пользу святыхъ мѣстъ (гаремейнъ). И муфти, кади и другіе улемы имѣютъ тамъ свою резиденцію.

Бакчисарай, лежащій подъ 64 гр. долг. и 48 шир., главный городъ Крыма; онъ хорошо обстроенъ и пользуется здоровымъ климатомъ. Ручей протекаетъ чрезъ городъ, украшаемый садами и огородами. Въ немъ имѣетъ свою резиденцію ханъ; но дворецъ его съ мечетью и проч. сгорѣли; въ царствованіе Кап-ланъ-Герая, когда Русскіе, вторгнувшіеся чрезъ Перекопъ съ значительными силами, въ 1150 (1737) году, разрушили городъ (6).

Въ то же время, сосѣдственныя мѣстности были раззорены, жители же отведены въ плѣнъ. По удаленіи Русскихъ дворецъ былъ построенъ снова, для какой цѣли были посланы Портою изъ Константинополя строевой матеріалъ, архитекторы и красильщики. Не далеко отъ Бакчисарая лежитъ на возвышенности сильная крѣпостца, названная Чуфутъ-Кале и населенная евреями.

Акмесджидъ (Ak-Mestschid, Симферополь), резиденція калги-султана (викарія хана), приблизительно съ 150 домами. Около Бакчисарая лежитъ еще мѣстечко Айма-Сарай (Elma-Sarai) съ франко-европейскою церковью и, около, 50 домами.

Гёзлевъ (Козловъ, Евпаторія), значительное мѣсто (7) при ущельѣ, съ хорошою гаванью. Не далеко оттуда другой городокъ, возлѣ котораго добывается соль, съ гаванью, именуемою Алешки (Олейта).

Балыклава, съ весьма глубокою, удобною гаванью, гдѣ корабли обезпечены противъ бурь со всѣхъ сторонъ. Въ цитадели находятся примѣрно 150 домовъ. Дорога оттуда до Каффы камениста (8).

Керчь, подъ 67 гр. д. и 48 ш., при Азовскомъ морѣ, къ сѣверу отъ Каффы, укрѣпленная паланка.

Тамань, городъ съ цитаделью, извѣстный по своей торговлѣ, лежитъ противъ Керчи, въ Азіи, на небольшомъ, но хорошо обработанномъ полуостровѣ. Въ цитадели имѣетъ свое мѣстопробываніе комендантъ (мугафицъ) съ гарнизономъ. Въ городѣ находятся хорошія мечети, бани и базары. Нѣкоторые изъ тамошнихъ магазиновъ суть фундушны святыхъ мѣстъ. Таманское сало славится, и тамошніе купцы производятъ торговлю съ Черкесами, Абхазами и Улу-ногайцами. Противъ Тамани лежитъ мысъ, называемый Акинди-бурунъ (9) и Ени-кале, построенный въ царствованіе султана Ахмеда при великомъ визирѣ Али-пашѣ изъ Чорли (10). Тамъ живетъ также комендантъ крѣпости.

Въ Крыму лежитъ еще на берегу Азовскаго моря, которое тамъ вдается далеко въ землю

Арабатъ (Ребатъ), построенный для защиты края противъ козаковъ по случаю отлива моря. Во время вторженія Русскихъ въ Крымъ, часть изъ нихъ перебралась въ бродъ въ сосѣд-

ствѣ Арабата и увели съ собою большое число плѣнныхъ изъ близлежащихъ крымскихъ деревень.

Мангунъ, въ Крыму, названный также Карасу (11), мѣстоукрѣпленное съ 60 домами, населенными отчасти евреями.

Окрестности весьма лѣсисты.

Карашка, выше Тамани, при самомъ концѣ пролива у Азовскаго моря, раззоренная крѣпость.

Кизиль-Ташъ, въ трехъ часахъ отъ Тамани, при Кубани, небольшая крѣпость, почитаемая частью Тамани. Предъ цитаделью находится мостъ.

Джане, значительная деревня при большой рѣкѣ, которая изливается въ Азовское море, съ укрѣпленіемъ, обращеннымъ къ рѣкѣ. Тамъ имѣетъ жительство Акъ-Чыбукъ-Бегъ, подвѣдомственный татарскому хану, черкесскій начальникъ надъ 300 деревнями вокругъ лежащими. Разстояніе между Джане и Кизиль-ташомъ составляетъ 6 почтъ, тогда какъ оттуда до Азова считается десять дней ѣзды. Надъ сказанною рѣкою переправляются на паромахъ. Оттуда до Азова пролегаетъ степь.

Хирсова, въ двухъ почтахъ отъ Азова на пути въ землю черкесовъ, хорошо обстроенный городъ (12). Тамерланъ, какъ говорятъ, осадилъ его, но не могъ имъ овладѣть. По этому онъ для виду только съ нимъ примирился, требуя въ залогъ пересылки живыхъ воробьевъ. Жители тогда сложили ихъ извѣстное число и переслали ихъ къ нему. Но онъ, велѣвъ привязать горящую сѣру подъ крылья этихъ воробьевъ и пустил ихъ на волю, послѣ чего они, добираясь до прежнихъ своихъ жилищъ, летѣли обратно въ городъ, который такимъ образомъ сгорѣлъ.

Темрюкъ, между Таманью и Кубанью, укрѣпленное мѣстечко, выстроенное изъ лѣса и населенное преимущественно Черкесами и Абхазами. Мусульмановъ здѣсь не много. Мѣстечко это отстоитъ отъ Кубани въ 3 почтахъ, отъ Тамани на западъ, въ 2. Вообще есть три дороги отъ Тамани въ Азовъ: первая, главная, ведетъ чрезъ Джане и имѣетъ 16 почтъ; другая, чрезъ Темрюкъ, вдоль морскаго берега (4 почты), но только тогда, когда вода покрыта льдомъ; наконецъ дорога чрезъ Старый-Джане, въ середи-

нѣ между обѣими первыми, составляетъ 8 станцій. Дорога изъ Тамани къ Кубани ведетъ частью лѣсомъ, частью стѣною.

Кубань идетъ изъ земли Черкесовъ, течетъ съ востока на западъ и является, около Кизиль-таша, раздѣленной на два рукава, изъ коихъ одинъ изливается въ Черное море, а другой въ Азовское. Страна, заключенная между обоими рукавами, имѣетъ видъ возвышеннаго острова. Тамъ, если не ошибаюсь, лежитъ, крѣпость Аджу (Ачуевъ), построенная недавно для замѣненія Азова и ограниченная съ двухъ сторонъ приведенными рукавами Кубани, а съ двухъ другихъ — моремъ. На томъ-же рѣчномъ островѣ лежатъ Темрюкъ, Тамань, Кизиль-ташъ и Карашка, которые всѣ зависятъ отъ Каффы.

Азовъ (Азакъ), о которомъ также скажемъ по причинѣ его сосѣдства съ Крымомъ, лежитъ, подъ 73 гр. д. и 49½ ш. при восточномъ берегу Дона, на плоской возвышенности, окруженный кустарниками. Онъ состоитъ изъ трехъ различныхъ цитаделей, имѣющихъ каждая, на подобіе стараго сарая въ Константинополѣ, свои ворота, по средствомъ коихъ они соединены между собою. Съ сухопутной стороны всѣ они защищены рвомъ. Всѣ три вмѣстѣ имѣютъ 9 башней. Стѣны просто сложены изъ черной земли. Цитадели называются: Ташъ-кале; здѣсь жилище аги яничаръ и мечеть, выстроенная при султанѣ Баязитѣ; Орта-кале, гдѣ резиденція бега Азовскаго и Топракъ-кале. Азовъ, прекрасная и сильная крѣпость, тѣмъ не менѣе былъ уступленъ Русскимъ въ 1149 (1736) году (13).

Черкасскъ (Черкесъ-керманъ) островъ въ Донѣ, въ 7 часахъ отъ Азова, съ землянымъ фортомъ и русскимъ гарнизономъ 1,000 челоѣкъ.

Донъ (Тонъ) значительная рѣка, течетъ съ С. къ Ю. чрезъ землю козаковъ, мимо Азова въ Азовское море. Вдоль по теченію его козаки имѣютъ 36 шанцевъ, и плаваютъ на немъ изъ Черкасска на чайкахъ.

За послѣднимъ мѣстомъ, т. е. между нимъ и Азовомъ, въ мѣстности именуемой Бешъ-тене (пять холмовъ) рѣка дѣлится на два рукава, изъ коихъ большій, обращающійся къ С. называется верхнимъ (Улу-тонъ). Этотъ въ свою очередь дѣлится также на

два рукава, изъ коихъ одинъ мимо Азова изливается въ море и потому называется Азакъ-су. Средній рукавъ называется Канлидша. Оба однимъ и тѣмъ-же устьемъ впадаютъ въ море, куда симъ путемъ добираются русскіе лодки. Въ прежнія времена можно было имъ преградить этотъ путь посредствомъ крѣпосцы, устроенной на сваяхъ на мели верхняго Дона, которая находится на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, дѣлившись, образуетъ второй рукавъ, именуемый «Канлидша» (Каланча). Но въ послѣдствіи эта каланча была оставлена, потому что гарнизону не платили слѣдуемаго ему жалованья; наконецъ она была разрушена невѣрными.

Сказанная Азовская рѣка течетъ, какъ было замѣчено, мимо соименной ей крѣпости и изливается въ тридцати миляхъ отъ ней въ море. Но берегамъ она мелководна, а потому фарватеръ означаетъ вдѣланными въ нее сваями на протяженіи 18 миль вверхъ отъ устья. Тамъ, гдѣ эти сваи оканчиваются, товары выгружаются изъ приходящихъ кораблей и доставляются въ Азовъ на баркахъ. На этомъ водяномъ пути корабли иногда добираются вдоль по Черкесскому берегу до Ак-Куюларъ. При сѣверномъ вѣтрѣ море удаляется вслѣдствіе отлива; при южномъ, вслѣдствіе сильнаго прилива далеко вторгается вверхъ по рѣкѣ, такъ что вода до самаго Азова становится соленоватою. Зимою все это пространство замерзаетъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ переѣзжаютъ чрезъ него повозками и караванами.

Правы и обычаи Крымскихъ татаръ.

Татары эти средняго роста, широкоплечисты, имѣютъ толстую и короткую шею, большую голову и маленькія черныя глаза, въ коихъ жилы съ кровью ясно замѣчаются, тупой носъ и черные волосы. Они легко переносятъ стужу и зной и купаютъ дѣтей въ соленой водѣ, чтобы ихъ приучить къ переносенію холода. Уже съ 12 лѣтняго возраста дѣти начинаютъ упражняться въ военномъ ремеслѣ. Костюмъ ихъ состоитъ изъ двойнаго короткаго платья изъ мѣха лисичьяго и колпака изъ хвоста того-же

животнаго и называемаго букъ. Нѣкоторые носятъ также баранія шубы мѣховой стороною наружу, что сообщаетъ имъ страшный видъ, въ особенности на лошади. Оружіями у нихъ служатъ дюжина стрѣлъ съ лукомъ, сабля и ножъ. Въ мѣшкѣ они возятъ съ собою ремень, чтобы связать плѣнныхъ и кричалю. Ихъ мурзы надѣваютъ желѣзные шлемы и такія же перчатки. Нѣкоторые вооружены также пиками, сдѣланными изъ вѣтвей древесныхъ съ желѣзнымъ остріемъ. Эти Татары чрезвычайно поворотливы. Каждый изъ нихъ ведетъ съ собою, смотря по средствамъ своимъ, 4 — 5 лошадей; если одна изъ нихъ уставала, то садится на другую. Лошади такимъ образомъ выучены, что всѣ прочія слѣдуютъ, если одна изъ нихъ трогается съ мѣста, или же останавливаются, если она останавливается. При томъ онѣ сильны и живы, хотя таковыми не кажутся, и бѣгаютъ такъ, что никто не можетъ ихъ догнать. Любимѣйшее кушанье Татаръ — конина, они также охотно ѣдятъ варенную кашу изъ муки и лошадиной крови. Въ походѣ они имѣютъ обыкновеніе приготовить мясо для кушанья, кладя его подъ чепракъ лошади, на которой ѣздятъ; когда это мясо становится такъ мягко, что изъ него начинаетъ истекать кровь, тогда его съѣдаютъ. Зажиточные Татары вмѣсто воды пьютъ лошадиное молоко, которое дѣлаютъ кислымъ въ теченіе двухъ дней примѣсю фермента. Напитокъ этотъ называется кумысъ. Они также охотники до «бузе» (родъ пива), безъ котораго именно не могутъ обойтись на свадьбахъ и празднествахъ. Изъ хлѣбныхъ растений сѣять въ Крыму рожь и ячмень; сарацинское пшено также поспѣваетъ, и все это добывается въ большомъ количествѣ. Всѣ почти Крымскіе Татары суть ганефиты (правовѣрные магометане). Они оказываютъ большое почтеніе своимъ улемамъ и благочестивымъ мужамъ. Они имѣютъ особенное сословіе духовенства, отдѣленное отъ оттоманскаго, и особенныя учебныя заведенія (медресе). Софты (готовящіеся поступить въ званіе улемовъ) часто похищаютъ мальчиковъ у ихъ родителей, съ тѣмъ, чтобы ихъ обучать и приготовить въ законовѣды. Никто, въ подобныхъ случаяхъ, не требуетъ обратно своего сына. Новорожденные дѣти безъ различія отдаются на попеченіе кормильцу (аталингъ), у котораго остаются до седьмаго или восьмаго года

отъ роду. Женщины у сего народа не закрываютъ лице вуалемъ. Въ праздникъ байрама молодымъ людямъ дозволяется цѣловать любую женщину и съ ней веселиться сколько угодно. Этотъ обычай называется у нихъ «сколлашмакъ». Тотъ, кто хочетъ жениться на дѣвицѣ, въ правѣ съ ней предварительно спать. Если-же она забеременеетъ, то уже не обязанъ на ней жениться. Дружбамъ, въ особенности чтимымъ, предоставляется наслаждаться невольницей, или-же, если такой въ домѣ нѣтъ, дочерью и даже женою хозяина. Если по призыву къ войнѣ Портою, самъ ханъ выступаетъ въ походъ, то не иначе, какъ съ 80.000 войскомъ Татаръ. Если же походъ совершается подъ начальствомъ калги, пурредина или-же сына хана, то контингентъ, который за нимъ слѣдуетъ, составляетъ только 40.000 человекъ. Въ лагерь дѣлаютъ музыку на литаврахъ и поднимаются съ него только послѣ начальника. Походы-же большею частью предпринимаются зимою, когда замерзшія воды способствуютъ переходу, между тѣмъ какъ невѣрные Русскіе и Поляки, въ это время года, не такъ удобно могутъ обороняться. Лошади Татаръ не имѣютъ подковъ. Татары медленно выступаютъ въ походъ, соблюдаютъ строго дисциплину и даже обыкновенную молитву пять разъ въ день. Когда-же возвращаются съ похода, то переходятъ, не останавливаясь, пять станцій вмѣсто одной и забываютъ призывъ къ молитвѣ (сзанъ) и самую молитву. Съ быстротою облаковъ они тогда слѣдуютъ вдоль по рѣчнымъ долинамъ, не разводя огня и не останавливаясь нигдѣ болѣе четверти часа. При первомъ знакѣ рожкомъ они снова стремятся далѣе на подобіе потоковъ. Во время грабежей или ночныхъ нападеній мурзы ихъ собираются на мѣстѣ, опредѣленномъ для сбора добычи. Тутъ они, если не грозитъ опасность со стороны непріятеля, отдыхаютъ трое сутокъ. На возвратномъ пути они маршируютъ тремя отдѣленіями. Первое везетъ съ собою добычу; за ней слѣдуютъ оба другія. При продажѣ невольниковъ они поступаютъ безчеловѣчнымъ образомъ и не знаютъ милосердія, отрываютъ дочь отъ матери, сына отъ отца и продаютъ ихъ отдѣльно. У Татаръ бываютъ особые кади, ханъ-же имѣетъ особаго «кадіаскера» (оверъ-аудиторъ). Всякій имѣетъ доступъ свободный къ хану и лично ему представляетъ свою жалобу. Мурзы

и начальники у нихъ не могутъ быть разжалованы, ибо должности ихъ наследственны. Сыновья ханскіе отправляются на воспитаніе въ землю Черкесовъ, откуда возвращаются домой только юношами. Сыновья умершихъ или низложенныхъ хановъ передаются подъ покровительство Порты, которая назначаетъ имъ жилище въ Ямболи или въ другихъ мѣстахъ. Нерѣдко имъ счастье такъ благопріятствуетъ, что они дѣлаются ханами вмѣсто отцевъ своихъ. Дочери хановъ также воспитываются внѣ дома родительскаго и, по достиженіи приличнаго возраста, выдаются замужъ за мурзовъ (11).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) По Мюнху (р. 120) крѣпость сія была построена при Магомедѣ IV во время двадцати-лѣтняго перемирія, заключеннаго съ Россіею вслѣдствіе Чигиринской битвы.

(2) Авторъ здѣсь вѣроятно имѣлъ въ виду крѣпости, построенныя, по дѣяку Зотову (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. II, 645) послѣ Чигиринской битвы, на Днѣпровскомъ островѣ «городки» Туганъ (ястребъ) и Хонбурунъ (счастливый) или же Таванъ и Осланъ, какъ эти городки названы княземъ Мышецкимъ (Ист. о Казак. Запор. Од. 1852, р. 12). Первый изъ нихъ, т. е. Таванъ или Туганъ, до нынѣ отчасти сохранившійся, находится насупротивъ «старого» городка Казикермана, т. е. нынѣшняго Берислава; городокъ-же Осланъ или Хонбурунъ, построенный на томъ-же островѣ, нынѣ раздѣленномъ на два островка непостоянствомъ теченія Днѣпра, находится противъ «старого» города Шанъкермана, по Зотову, или Шингерее, по Мышецкому, т. е. противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки, гдѣ лучше всего можно справиться о томъ, не сохранились ли слѣды укрѣпленій на островкѣ близъ мѣстечка лежащемъ.

(3) Авторъ говоритъ о взятіи Очакова Русскими въ 1737 году. Подробности объ этомъ подвигѣ изложены, между прочимъ, въ Запискахъ Манштейна, изъ коихъ явствуетъ, что уже тогда городъ былъ хорошо укрѣпленъ. Таковымъ его тоже застали еще прежде спутники Карла XII, посѣтившіе его въ бѣгствѣ своемъ съ береговъ Буга къ Днѣстру. По Мюнху (р. 120) укрѣпленія Очакова построены были при Магомедѣ IV; кажется однако, что онъ ихъ развѣ только возстановилъ, поелику еще прежде наши и иностранные писатели упоминаютъ объ укрѣпленіяхъ Очакова, напр. Броніовій, который его смѣшиваетъ съ Ольвіею и Михаилъ Литвинъ, по которому онъ также назывался Dassowa, т. е. Дашковъ, какъ онъ названъ въ договорѣ, заключенномъ въ Луцкѣ, въ 1431 году, между Владиславомъ II и Свитригайлою (Danulowicz, Skarb. Dipl. I, 123); или же Дашовъ, какъ его имя пишется въ спискѣ замковъ, уступленныхъ ханомъ Крымскимъ Сигизмунду I, въ 913 г. по смерти Магомета (Сборникъ князя Оболенскаго, № I, 88).

На компасовыхъ картахъ XIV и XV столѣтій представляет-

ся намъ около мѣстности Очакова приписка p. de bo, de bovo, de lovo, вѣроятно вмѣсто p. de luso, какъ считается на картѣ 1367 года, т. е. вмѣсто p. de l'Oso или Ousou, или Днѣпра, который подъ этимъ именемъ уже былъ извѣстенъ Абуль-Федѣ.

Въ древности, въ той же самой мѣстности находилась, какъ думаютъ, крѣпостца Алектора, упомянутая впрочемъ однимъ только Діономъ Хрисостомомъ.

(4) По Мюнху (I. с. 184) таково было какъ разъ протяженіе не перешейка, но выкопаннаго на немъ рва, образовавшаго двѣ стороны угла, изъ коихъ одна, направленная къ Азовскому морю, имѣла 7 верстъ, а другая 3.

За тѣмъ авторъ дневника сообщаетъ намъ еще слѣдующія подробности объ этой мѣстности:

«Въ углѣ, гдѣ сходятся обѣ стороны «линіи», стоятъ врата, составляющія единственный входъ острова. Онѣ построены изъ камня и снабжены пушками. Возлѣ нихъ стоитъ крѣпость Орѣваки, а къ востоку, на длинной сторонѣ, пять башенъ; на короткой же сторонѣ, къ западу, двѣ башни изъ камня, снабженныя пушками... Линія состоитъ изъ сухаго рва, выкопаннаго перпендикулярно на глубину отъ 12 — 15 сажень: земля, выброшенная изъ него на обѣ стороны, возвысила почву надъ естественнымъ ея уровнемъ. Впрочемъ ровъ этотъ не такъ глубокъ, что бы вода, съ обѣихъ сторонъ, могла въ него втекать и его наполнить, и должно думать, что онъ не былъ выкопанъ съ тѣмъ, чтобы отрѣзать островъ совершенно отъ твердой земли: вѣроятно опасались также наводнить островъ, такъ какъ онъ болѣе и болѣе понижается къ югу. Нѣкоторые географы, воображая, что этотъ перешеекъ уже и длиннѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, полагали, что почва его песчаная, а по сему самому удивлялись, почему съ давнихъ поръ не послѣдовало сліяніе обоихъ морей. Но такъ какъ почва глиниста и слѣдовательно, по природѣ своей, противустоитъ водѣ, то волны обоихъ морей все болѣе и болѣе выбрасываютъ песокъ, камышъ, илѣ, раковинки и т. п., и тѣмъ не только возвышаютъ почву, но еще дѣлаютъ перешеекъ все болѣе широкимъ противъ прежняго, какъ это можно усмотрѣть изъ различныхъ наносовъ. Кажется также, что вода обоихъ морей никогда до такой степени не поднимается вѣтрами, чтобы волны могли далеко покрыть перешеекъ, тѣмъ болѣе, что когда при сильнѣмъ вѣтрѣ дующемъ съ С. З. С., вода изъ залива Чернаго моря стрѣмится въ перешеекъ, тогда же оттуда удаляется вода Гнилаго моря, и что противное явленіе совершается при С. С. В. С. вѣтрѣ. Поелику же оба никогда не поднимаются въ одно и то же время, то и не могутъ сливаться, что однако случилось-бы,

если посредствомъ труда и искусства, превышающаго способности Турокъ и Татаръ, Перекопскій ровъ бы ъ-бы изрытъ до такой глубины, что основаніе его становилъ съ бы параллельнымъ съ основаніемъ обоихъ заливовъ, что, какъ говорить, пытались уже сдѣлать древніе Скифы, обитавшіе въ этихъ мѣстахъ до и послѣ Рожд. Хр.

Крѣпость Орѣкани продолговатый четырехугольникъ, коего стѣны съ четырьмя узкими двойными бастіонами построены изъ плиты. Но древне-итальянской архитектурѣ, и некоторымъ башнямъ и находившимся въ нихъ замкамъ, должно думать, что крѣпость эта бы а построена Генуэзцами, владѣвшими Крымскимъ полуостровомъ, даннымъ имъ греческими императорами. Въ ней одинъ только ворота на южной сторонѣ, направленной къ острову, и 600 небольшихъ жалкихъ домовъ, которыми улицы до такой степени суживаются, что на нихъ едва можно проѣзжать повозкою. Подобно всемъ крѣпостямъ Крымскимъ она имѣла гарнизонъ не татарскій, но турецкій, и находился въ ней, и въ башняхъ линіи, при прибытіи войска, болѣе 4.000 яничаръ и спаги, тогда какъ вся татарская орда стояла за линіею».

(5) Авторъ здѣсь говорить о взятіи Перекопа, 21 мая 1736 г., по капитуляціи, заключенной на каучѣ къ ммендантомъ Ибрагимъ-ага съ фельдмаршаломъ Мюнихомъ. «Замѣчательно при семъ — сказано въ дневникѣ, — что онъ пять недѣль прежде письменно донесъ Ея Величеству Императрицѣ, что надѣется собщить ей радостное извѣстіе изъ Перекопа 20 мая и что онъ дѣйствительно вечеромъ того дня отправилъ своего генераль-адъютанта Фрмора въ С.-Петербургъ по сему случаю.

Это было дѣло (coup) чрезвычайно важное и патѣлавшее тѣмъ болѣе шуму (éclat), что со времени владычества Татаръ надъ Крымомъ фельдмаршалъ Мюнихъ первый ввелъ туда неоріентальское войско и тѣмъ привелъ въ трепетъ Порту, поелику въ нѣсколько дней можно было проѣхать моремъ въ Константинополь, почему и русскій резидентъ Вишняковъ доносилъ, что всѣ разбѣжались бы изъ Константинополя, еслибы хоть одинъ русскій корабль могъ явиться въ качаѣ.

Еще значительнѣе былъ страхъ въ самомъ Крыму. Кто только имѣлъ что-нибудь, собралъ то, что могъ взять съ собою и бѣжать къ гавани; прочіе же гнали женъ, дѣтей и робовъ своихъ въ горы. Хоть самъ послать жинъ и дѣтей съ ея ровницами сюими въ Балаклаву, гдѣ былъ стараяхъ корабль, на которомъ, въ крайнѣмъ случаѣ, могъ спастись».

(6) Взятіе и разрушеніе Бакисарая послѣдовало не въ 1737 году, но 17 іюня предъидущаго года.

«Бакчисарай», говорится въ приведенномъ дневникѣ (I. с. 220) — тянется, въ видѣ длинной улицы, съ З. къ В. между скалами и утесами, въ глубокой низмѣнности, такъ что городъ вовсе не замѣчается, пока не дойдешь до вышеупомянутого (219) ущелья, пробитаго въ скалѣ. Городъ состоитъ изъ 3,000, порядочно выстроенныхъ, каменныхъ домовъ, въ томъ числѣ и дворецъ ханскій, о которомъ можно сказать, что онъ безъ сомнѣнія уступаетъ немногимъ только, если не великолѣпнѣмъ, то изящнымъ видомъ (*propreté*) своимъ, какъ можно усмотрѣть изъ приложеннаго описанія, составленнаго капитаномъ Манштейномъ, по порученію фельдмаршала Мюнха.

Въ XVIII томѣ журнала: *Neue Europaeische Fama* (458 — 461) помѣщенъ, въ нѣмецкомъ переводѣ, отрывокъ сего приложенія; въ неизвѣстности былъ-ли этотъ отрывокъ когда-либо изданъ также на русскомъ языкѣ, я рѣшаюсь представить здѣсь переводъ *всего* французскаго оригинала:

«Городъ Бакчисарай, резиденція хана, лежитъ въ глубокой, весьма узкой долинѣ среди скалъ. Верхняя часть города раздѣлена на двѣ части, изъ коихъ первая была населена христианами различнаго происхожденія и вѣроисповѣданія, въ особенности-же Армянами и Греками, которые тамъ имѣли даже церковь; но она была разрушена Татарами, когда мы приближались.

Другая, большая часть города, населена Татарами. Здѣсь-же находится ханскій дворецъ.

Въѣзжаютъ въ городъ одними только крутыми, изсѣченными въ скалѣ дорогами, за исключеніемъ западной стороны, гдѣ, въ большой долинѣ, находится предмѣстье, чрезъ которое мы шли къ Бакчисараю.

Прежде чѣмъ войти въ большой дворъ ханскаго дворца, пришлось намъ перейти чрезъ каменный мостъ, наведенный надъ довольно глубокимъ ручьемъ, который протекаетъ мимо дворца.

Дворъ этотъ довольно великъ и окруженъ былъ разными зданіями, которыя, сколько я могъ еще узнать, были построены и расположены слѣдующимъ образомъ:

За большими воротами стоялъ на правой сторонѣ старый дворецъ, въ которомъ ханы вѣкогда обитали; за большими стѣнами слѣдовала въ этомъ дворцѣ большая зала съ бассейномъ въ срединѣ. Оттуда лѣстница вела въ бель-э ажъ, гдѣ также представлялась зала. Полъ въ ней былъ покрытъ весьма опрятными циновками, а потолокъ выдѣланъ мозаикомъ золотымъ и голубымъ. Правая сторона этой залы оканчивалась алковомъ съ эстрадою на ступень высоты; на противной сторонѣ была открытая галлерея въ сажень ширины и четырьмя футами выше пар-

кета залы. Въмѣсто обоевъ стѣны были покрыты разноцвѣтными фарфоромъ. Изъ оконъ, составлявшихъ два ряда, верхнія имѣли большія разноцвѣтныя стекла. Нижнія окна были велики, но въмѣсто стеколъ имѣли ставни, въ видѣ рѣшетокъ, изъ панасоваго лѣса, что сообщало залѣ холодный видъ. Возлѣ ней была большая комната, подобнымъ образомъ убранная. Изъ оконъ видна была нижняя зала, а съ другой стороны слѣдовали разныя комнаты совершенно пустыя.

Внѣшняя сторона дворца была окрашена красными полосами на угловыхъ камняхъ, стоявшихъ одни отъ другихъ на полѣ фута, что представляло весьма пріятный видъ.

На этомъ-же дворѣ былъ другой домъ съ большими лѣстницами, гдѣ въ родѣ стѣней была устроена балюстрада съ столбами для поддержки крыши, которая сунулась впередъ на 5 или 6 футовъ, по китайскому манеру, для защиты противъ лучей солнца. Весь этотъ домъ также былъ раскрашенъ въ видѣ мозаика.

Изъ этого дома калитка вела на другой дворъ, гдѣ лѣвая стѣна была весьма хорошо раскрашена въ видѣ бѣлаго мрамора, съ правой-же стороны представлялись садъ и новый ханскій дворецъ, къ которому вели большія лѣстницы, и первый предметъ, пріятно тамъ поражающій зрителя, былъ бассейнъ изъ бѣлаго мрамора, съ павильономъ съ четырьмя подобными ему меньшими въ срединѣ, и который чрезъ разныя краны извергалъ воду въ бассейнъ.

Полъ былъ также и крытъ весьма чистыми циновками, а потолокъ раскрашенъ мозаикомъ краснымъ и золотымъ. Средняя часть залы была подъ сводомъ, та же весьма хорошо обдѣланомъ. Кругомъ залы были скамьи на вышину фута отъ пола, при ширинѣ четырехъ футовъ. Которы, къ которымъ эти скамьи покрывались, были съ нихъ сняты до нашего прибытія. На правой сторонѣ этого дворца были разныя весьма чистыя покои, полъ и потолокъ были украшены на подобіе залы, и окна были съ рѣшетками, подобно вышеупомянутымъ окнамъ большой залы стараго дворца. Съ лѣвой стороны была одна только довольно большая комната съ каминомъ. Окна, обращенныя къ саду, были съ стеклами. Кругомъ сего дворца была устроена крытая галлерея съ поддерживаемою столбами крышею. Ниже сего дворца, вдоль стѣны, были многія фонтаны, изливающіе воду въ столько-же мраморныхъ бассейновъ.

Между обоими дворцами были еще разныя постройки, въ числѣ коихъ, самая замѣчательная, былъ находившійся близъ новаго дворца сераль. Въ немъ, въ числѣ другихъ комнатъ, была и женская купальня; въ нее вели большія стѣны, въ срединѣ которыхъ

былъ большой мраморный бассейнъ въ два съ половиною фута глубины и въ полторы сажени въ діаметрѣ: фонтанъ снабжалъ эту ванну водою, которая оттуда уже текла въ купальню, вокругъ которой были фонтаны, мраморныя ванны и нѣсколько отдѣльных кабинетовъ, каждый съ фонтаномъ и бассейномъ изъ бѣлаго мрамора подъ нимъ. Потовая баня грѣлась снизу, такъ что можно было давать ей желаемую степень жара и желаемое количество воды. Купальни эти все подъ сводами, и освѣщаются сверху посредствомъ оконъ, вѣданныхъ на сводѣ въ извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго.

Не далеко отъ перваго дворца хана была другая купальня, также украшенная мраморомъ; но она была только устроена для одной особы.

Все эти различныя зданія были обружены садами и фонтанами съ свѣжею и свѣтлою водою, приводимой съ сосѣдственныхъ горъ.

Вдоль по лѣвой сторонѣ большого дворца были комнаты, изъ коихъ половина была назначена для рабовъ ханскихъ, и среди этихъ различныхъ зданій былъ небольшой дворъ, заключавшій въ себѣ двѣ мечети со сводами, крытыя свинцомъ и заключавшія въ себѣ гробницы хановъ. За дворомъ этимъ находится главный входъ (portail) ведущій, къ лежащей на южной поватости горы, рошицѣ.

Противъ этого входа у подошвы горы — разныя жилья, за которыми находилась бесѣдка со многими кабинетами съ рѣшетками весьма изящными и хорошо выдѣланными изъ кампасоваго дерева. Въ пятидесяти шагахъ отъ этой бесѣдки былъ каменный домъ, заключавшій въ себѣ резервуаръ воды, т. е. каменный бассейнъ въ четырехъ или пяти саженяхъ въ квадратѣ, въ который были проведены воды съ горъ. Этотъ бассейнъ былъ съ крышею, дабы солнечный зной не могъ туда проникнуть, и имѣлъ одно только окно. Со стороны дворца была еще комната, въ которую проведены были изъ бассейна пять большихъ крановъ, имѣя каждый по дюйму въ діаметрѣ и связанныя съ столькими же подземными трубами, чрезъ которыя вода распредѣлялась по всему дворцу.

Большая купальня хана находилась возлѣ стараго дворца и входъ въ нее былъ именно подъ жильемъ на правой рукѣ. За входомъ слѣдовала большая зала, съ скамьями кругомъ, изъ бѣлаго мрамора. Оттуда входили въ потовыя бани, также съ мраморнымъ паркетомъ, и разными кабинетами на сводахъ. Вода туда вливалась чрезъ краны и падала въ мраморныя бассейны. Бани эти топились снизу подобно новымъ, вышеприведеннымъ.

Противъ втораго стараго дворца большаго двора находились ханскія конюшни. Зданіе это было мурованное и имѣло пятнадцать саж. длины при пяти ширины.

Полъ не былъ вымощенъ, но мѣсто каждой лошади было покато. Ясли, подобно столбамъ между лошадьми, были каменные.

Городскіе дома, числомъ около двухъ или трехъ тысячъ были довольно хорошо построены и всё почти мурованы. Изъ нихъ, примѣрно, четвертая часть была сожжена.

Въ Бакчисараѣ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ въ особенности жалѣть именно о томъ, что большая часть замѣчательной библіотеки, принадлежавшей тамошней іезуитской миссіи была или сожжена или же зтоплена виномъ, такъ какъ іезуиты, которые при нашемъ приближеніи обратились въ бѣгство, предварительно спрятали часть книгъ и рукописей въ погребеѣ, въ которомъ вошедшіе туда козаки, напившись шяными, вылили вино.

(7) Городъ этотъ былъ взятъ русскимъ войскомъ 5 іюня 1736 года безъ всякаго сопротивленія. Сказавъ, по недомѣнію, что въ немъ послѣдовало крещеніе Св. Владиміра, авторъ дневника продолжаетъ: — Городъ этотъ, названный Турками и Татарами Кёзлеве, имѣлъ болѣе 5000 каменныхъ домовъ, множество мечетей и церквей и лежитъ въ видѣ амфитеатра при отличномъ портѣ. Самое значительное и красивое зданіе въ городѣ была большая каменная мечеть, убранныя внутри многими колоннами и пилястрами изъ бѣлаго мрамора и украшенная куполомъ, крытымъ свинцомъ. Она прежде была греческая церковь, построенная, судя по характеру архитектуры, во время Константина Великаго или скорѣ спусти. Городъ былъ окруженъ съ сухопутной стороны высокою стѣною съ четырехугольными башнями и рвомъ, вырытымъ въ скалѣ; за городомъ-же были фруктовые сады и дачи..... О богатствѣ жителей, 500 лѣтъ невидавшихъ непріятеля, можно было судить по добычѣ, которая была такъ значительна, что войско не могло всего увести съ собою, а потому многое было сожжено или оставлено подъ развалинами домовъ.

(8) Къ чести автора должно думать, что ему лично не случалось побывать на южномъ берегу Тавриды, который, впрочемъ, своею красотою не поражаѣ-бы въ такой степени какъ нашъ, — человекъ, имѣвшаго возможность любоваться до сыта плѣнительными видами Воспора Фракійскаго.

Графъ Мюнхъ, который, во время своего перехода изъ Евпаторіи въ Бакчисарай, видѣлъ только сѣверный склонъ Крымскихъ горъ, отзывается о нихъ слѣдующимъ образомъ:

«На лѣвой сторонѣ къ юго-востоку, прорегаетъ огромная цѣпь, которая, ради вида своего названа была Русскими Палатка-гора; она

такъ высоко поднимается надъ прочими горами, что ее можно видѣть почти на всемъ полу-островѣ. У подошвы ея начинается другая низшая цѣпь, простирающаяся до Каффы. На ней невольники, которые туда въ старину переводились въ большомъ числѣ изъ Венгрии, разводили много винъ градинокъ, содержимыхъ теперь, такъ какъ большая часть сказанныхъ Венгровъ погибли въ 1704 году отъ чумы, — Греками и Армянами, послѣку Турки и Татары, хотя и садятъ лозы и за ними смѣтять, и также ѣдятъ свѣжій и сушеный виноградъ, тѣмъ не менѣе продаютъ сборъ его христіанамъ, которые и перевозятъ вино въ Украину, гдѣ его частью продаютъ за наличныя деньги, частью же меняютъ на масло, водку и другіе русскіе товары. Между обыкновенными четырьмя сортами краснаго и бѣлаго Крымскаго вина, лучший, собираемый при деревнѣ Судакъ и называемый Судакскимъ, по вкусу и по цвѣту подходитъ на хорошее Мейссенское вино».

(9) *Vorgebirge der Strömung*, т. е. Мысъ теченія, переводить г. Шлехта. Но это явно нынѣшній мысъ Акъ-Бурунъ или Бѣлый мысъ, который еще на Итальянскихъ картахъ XIV и слѣдующихъ вѣковъ является подъ наименованіемъ *aspromiti*, имѣющимъ тоже самое значеніе. По этому кажется, что въ нашей турецкой рукописи мысъ этотъ ошибочно названъ Акинди буруну, вмѣсто Акбурунъ.

(10) Въ дневникѣ фельдмаршала Мюниха (р. 122) сказано, что эта крѣпость была построена въ 1706 году, а что предъ нею была тогда же построена «*platte-forme*» въ водѣ, до такой степени суживавшая фарватеръ (по причинѣ камышекатаго противуположнаго берега), что въ немъ, въ надлежащей глубинѣ, было мѣсто для одного только корабля.

«Вся эта предосторожность» говорится далѣе «мало принесла-бы пользы, если императоръ Петръ I, при возобновленіи, въ 1711 году, войны съ Портою по случаю пребыванія короля Карла XII въ Бендерахъ и вслѣдствіе интригъ Крымскаго хана, — направилъ-бы свои силы къ Черному морю и не отправился бы чрезъ Днѣстръ къ Дунаю съ сорокатысячнымъ войскомъ безъ провіанта, въ надеждѣ, въ немъ возбужденной увѣреніями Молдавскаго господаря Кантемира, что тамъ найдетъ магазины и достаточное количество съѣстныхъ припасовъ.

Всѣмъ извѣстно, что этотъ столь дальновидный монархъ, такимъ образомъ впалъ въ ту-же ошибку, которая въ войнѣ съ нимъ-же оказалась, два года передъ тѣмъ, столь паубною для Карла XII, и что онъ до такой степени былъ стѣсненъ Турками, что ему пришлось-бы или сдаться безусловно, или-же рисковать судьбу своего государства, если-бы алмазы и червонцы не дѣй-

ствовали такъ сильно на великаго визиря Балтаджи Могаммеда, что онъ согласился съ нимъ заключить миръ на условіяхъ, хотя и весьма выгодныхъ для Поіты, но тѣмъ не менѣе не искоренившихъ зло на будущее время, такъ какъ три первые и главные его пункты состояли въ томъ, что Императоръ долженъ былъ возвратитъ Азовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ его засталъ при завоеваніи его; срыть Таганрогъ и крѣпости Каменный Затонъ и Самару и не тревожить козаковъ, состоявшихъ подъ Польшею и ханомъ татарскимъ. Онъ выполнилъ всѣ эти условія, хотя ему совѣтовали, оставить на произволъ судьбы аманатовъ Шафирова и Шеремтьева, и хотя онъ въ особенности жалѣлъ о Таганрогѣ и Азовѣ, которыя между тѣмъ были мужественно обороняемы противъ Турецкаго флота старымъ великимъ адмираломъ Апраксинымъ, два раза загонявшимъ съ частью Таганрогскаго гарнизона высадившихся Турокъ на свои корабли, но и принужденнымъ, во исполненіе приказанія въ третій разъ повторяемаго Императоромъ, по возможности раззорить и оставить сказанныя крѣпости, что его огорчило до слезъ.

Нѣкоторые изъ неходившихся въ гаваняхъ корабли были такъ велики, что ихъ нельзя было оттуда вывести вверхъ по Дону, а потому ихъ предлагали Туркамъ, которые однако не хотѣли ихъ купить, но оставляли ихъ изгнать въ гавани. При этомъ случаѣ капитанъ русскаго корабля, Англичанинъ, по имени Симонъ, изъ упрямства не хотѣлъ никакъ снять такелажъ и оставить свой хорошо экипированный и не слишкомъ глубоко ходившій корабль, а потому, пользуясь тѣмъ, что поднялась вода и что началъ дуть благопріятный вѣтръ, отплылъ изъ гавани на всѣхъ парусахъ, а за тѣмъ мимо турецкаго флота, стоявшаго подъ Еникале, чрезъ Константинопольскій каналъ, объ Дарданеллы и Архепелагъ въ Средиземное море, и прибылъ, объѣхавъ такимъ образомъ всю Европу, въ первыхъ дняхъ четвертаго мѣсяца, по выѣздѣ своемъ, благополучно въ Кронштадтъ и С.-Петербургъ, причемъ имѣлъ смѣлость и удовольствіе, въ виду Серая съ корабля своего дать два залпа, тѣмъ привелъ въ трепетъ султана и весь Константинополь.

(11) Хотя турецкій авторъ ничего не говоритъ о крымскомъ городѣ Карасу-Базарѣ, тѣмъ не менѣе ясно, что послѣдній не имѣлъ бы ничего общаго, кромѣ имени, съ Мангупомъ, если-бы дѣйствительно крѣпость эта называлась Карасу, что мы не въ правѣ отрицать потому только, что другіе авторы, намъ извѣстные, объ этомъ имени его не припоминаютъ. Впрочемъ въ географическомъ сочиненіи аѣнскаго митрополита Мелетія (+1714) говорится о податасной крымскому хану *крѣпости* Карасу,

подъ которой скорѣй могъ разумѣть Мангупъ, нежели Карасу-базаръ, такъ какъ онъ полагалъ, что крѣпость эта находилась на морскомъ берегу, куда современникъ его Витсенъ также помѣщаетъ Мангупъ (ср. Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, прим. 366 и 429). Недалеко отъ этой древней крѣпости беретъ свое начало рѣка Казыклей, нынѣ обыкновенно называемая *Черною*, что и заставляетъ думать, что она нѣкогда у Татаръ называлась Карасу и что имя сіе могло быть перенесено отъ ней къ Мангупу, подобно тому, какъ городъ Карасу-базаръ обязанъ своимъ названіемъ другой рѣкѣ того-же имени его орошающей. Также могло статься, что Греки въ старину подъ именемъ *Μαύρον-κάστρον* разумѣли скорѣй Мангупъ, чѣмъ Карасу-базаръ, какъ говоритъ Тунманъ (*Büsching, Erdbeschr.* изд. 1784, IV, 348), прибавляя, что еще въ началѣ XIV столѣтія францискане имѣли монастырь въ Мавронъ-Кастронѣ.

(12) Не имѣя подлѣ рукою никакой подробной исторіи Тамерлана, не могу сказать, говорится ли въ нихъ о подобной хитрости его, напоминающей способъ, которымъ городъ Коростень былъ взятъ Ольгою. Достоверно то, что Тамерланъ, по разрушеніи Азова, обратился противъ Черкесовъ и что жилища сихъ послѣднихъ въ тѣ времена простирались до окрестностей Азова. По этому спрашивается, не была-ли крѣпость Гирсова или Хирсова, отстоявшая въ двухъ почтахъ отъ Азова, тождественна съ черкесскою крѣпостью Курлятъ, взятой Тамерланомъ послѣ долгой осады въ 1396 году, по свидѣтельству барона Гаммера. Въ сожалѣнію баронъ ничего не говоритъ о мѣстоположеніи этой крѣпости и тѣмъ лишаетъ насъ возможности опредѣлить степень вѣроятности ея тождества съ Гирсовою нашего автора.

(13) Овладевши предварительно т. н. Каланчами при устьѣ Дона и крѣпостью Лютикомъ на островѣ при Мертвомъ Донѣ, графъ Мюнхъ приступилъ было къ осадѣ Азова 24 марта, но въ этотъ-же самый день передалъ начальство генералу Левашеву, въ необходимости возвратиться къ Днѣпровской арміи; но и Левашовъ въ свою очередь долженъ былъ вскорѣ сдать начальство фельдмаршалу Ласси, и въ этихъ перемѣнахъ заключалась, по мнѣнію графа Мюнха, главная причина, по которой крѣпость была взята не ранѣе 1 іюля. «Ибо хотя», говоритъ онъ (р. 170) — «Левашевъ старый и опытный генералъ, который, въ особенности въ послѣднихъ годахъ, столь-же хорошо сражался въ Персіи, какъ умѣлъ тамъ наполнить деньгами свои сундуки, но онъ мало свѣдущъ по части инженерной, и, принимая во вниманіе небольшое число воиновъ, ему оставленныхъ фельдмаршаломъ, не подступилъ ближе къ городу и тѣмъ снова ободрилъ непріятеля.

Бъ тому еще могло содѣйствовать, что Левашевъ, узнавъ, что не ему самому, но призванному обратно изъ Моравіи новому фельдмаршалу Ласси, предназначалась честь поднести императрицѣ ключи Азова, не слишкомъ былъ расположенъ подвергаться опасности въ пользу другаго».

«За тѣмъ» читаемъ въ другомъ мѣстѣ (222) «фельдмаршалъ Ласси, какъ извѣстно, не инженеръ, а по сему самому болѣе способенъ командовать войскомъ въ полѣ, нежели вести осаду. Питая, по сей именно причинѣ, чрезмѣрную довѣренность въ искусство своего генераль-квартирмейстера де-Брини, младшаго изъ состоявшихъ въ русской службѣ двухъ братьевъ, который тѣмъ болѣе ожидалъ для себѣ современемъ чести отъ этой осады, если-бы она была ведена по собственнымъ его понятіямъ и изобрѣтеніямъ—Ласси согласился отиѣнить планъ, хотя онъ формально былъ составленъ имъ и графомъ Мюнихомъ во время вышеупомянутаго ихъ свиданія въ Чарицынкѣ (171) и даже одобренъ С.-Петербургскимъ дворомъ. Хотя подъ благаго рода измѣненія легко могутъ быть извиняемы всегда обстоятельствами, которыя на дѣлѣ являются часто не такими, какими они могли показаться, тѣмъ не менѣе оставалось не мало указаній, что въ приведенномъ планѣ заключался лучший и ближайшій путь. Правда, что большое замедленіе произошло и отъ того, что многіе пушки полевой артиллеріи въ дѣлѣ лопнули, и что поэтому осада не могла быть двинута впередъ съ одинаковою силою. Это обстоятельство подадо поводъ къ особой перепискѣ между графомъ Остерманомъ и фельдмаршаломъ Мюнихомъ. Первый, увѣдомленный Лассиемъ объ этой непріятности (*fatalität*), не замедлилъ поставить ее въ вину графу Мюниху по той причинѣ, что онъ былъ генераль-фельдцейг-мейстеромъ въ то время, когда новыя пушки были латы, и слѣдовательно долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы работа эта производилась лучше. Но графъ Остерманъ забылъ, что дѣло касалось тѣхъ именно пушекъ, которыя для этой войны были доставлены адмиралтействомъ въ С.-Петербургѣ. Поелику же оно составляетъ особенное вѣдомство и выѣтъ главный надзоръ надъ работами тамъ производящими, то графу Мюниху представлялась пріятная возможность (*satisfaction*), обратить на него обвиненіе въ нерадѣніи и худомъ надзорѣ».

Для фельдмаршала Мюниха медленность осады Азова была тѣмъ непріятнѣе, что заставила его отказаться отъ своего плана предпринять второй походъ въ Крымъ изъ Перекопа, куда онъ принужденъ былъ на время возвратиться изъ Бакисарая по причинѣ недостатка въ сѣстныхъ припасахъ и въ лошадяхъ. Прибывшій туда 6-го іюля, онъ тамъ остался до 26, въ надеждѣ, не удастся

ли ему все еще предпринять предположенную вторую экспедицію. «Дѣйствительно», говоритъ онъ (227) «прибыли къ нему для подкрѣпленія полковникъ фонъ-Ведель съ 5 драгунскими полками и генералъ Аракіевъ съ 2 полками пѣхоты, но прочія пренятствія уже оказались непреодолимыми. Хотя и не видать было болѣе непріятельскаго войска, но за то Татары продолжали постоянно скитаться около арміи и вредить ей частными нападеніями. Замѣтили именно, что около Молочныхъ водъ, въ направленіи къ Азову, они перебирались тайными бродами черезъ Гнилое море. По этому генералъ-фельдмаршалъ отрядилъ въ ту сторону для развѣдочной генерала Шнигеля съ 5 полками и 2000 козаками.

Подъ бно тому какъ карты сего края оказались вообще весьма ошибочными, такъ и обнаружилось, что приведенный проходъ отстоялъ отъ Перекопа въ большемъ разстояніи, чѣмъ графъ Мюнхъ воображалъ.

Когда онъ по этому не получалъ извѣстій отъ сказаннаго отряда въ предположенномъ имъ времени, а дѣла между тѣмъ принимали такой оборотъ, что онъ далѣе не могъ оставаться въ Перекопѣ, то онъ, по неволѣ, долженъ былъ оставить этотъ отрядъ на произволъ судьбы.

Одно только, что онъ еще могъ сдѣлать въ его пользу, было, что онъ отпирывалъ къ нему полковника Штокмана съ нѣсколькими сотнями человекъ, которые дѣйствительно успѣли перебраться до генерала Шнигеля.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Татары, если-бы только поняли въ чемъ дѣло и имѣли болѣе мужества, могли-бы окружить и уничтожить этотъ корпусъ. Они хотя и показались нѣсколько разъ, но генералъ Шнигель такъ хорошо распорядился, что успѣлъ пробраться стороною чрезъ степь и чрезъ Бахмутъ снова прибылъ къ главной арміи. Экспедиція эта принесла при томъ ту пользу, что при ней открытъ былъ извѣстный однимъ Татарамъ бродъ чрезъ Гнилое море, чрезъ которое русское войско подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала Ласси въ слѣдующемъ походѣ пришло въ Крымъ».

Ясно, что здѣсь говорится о проливѣ Геническомъ, соединяющемъ Азовское море съ Сивашемъ, и что г. Спасскій (Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др. II, 275) ошибается, когда говоритъ, что чрезъ него Русскими были совершены два похода *подъ предводительствомъ генерала графа Ласси въ 1737 и 1738 годахъ*, вмѣсто того, чтобы сказать, что эти походы состоялись въ 1736 и 1737 годахъ, и что первый изъ нихъ «съ Арабатской стрѣлки» былъ предпринятъ не Лассіемъ, но независимымъ отъ него генераломъ Шнигелемъ.

(14) Къ этимъ подробностямъ прибавимъ здѣсь то, что намъ о «Крымскихъ дѣлахъ» передаетъ графъ Мюнихъ со словъ французскаго консула Адама Эворки, уроженца венгерскаго и польскаго дворянина Андрѣя Буковскаго, которые прибѣгли подъ его покровительство по взятіи Бакчисарая:

«Консулъ донесъ, что онъ когда-то былъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Когда-же его начальникъ князь Рагоци скончался въ 1735 году въ Константинополѣ, исправляющій тамъ должность Французскаго посланника, г. де Невиль, назначивъ его консуломъ у татарскаго хана, отправилъ въ Крымъ на мѣсто прежняго тамошняго консула, капитана Тота, призваннаго обратно во Францію. Ему въ особенности было поручено пешихъ за французскихъ католическихъ миссіонеровъ и вообще о послѣдователяхъ католической вѣры и прочихъ христіанахъ обитавшихъ въ Крыму, заботясь о томъ, чтобы ихъ не угнетали и не помѣшали имъ отправлять свою вѣру. По его словамъ онъ былъ въ Перекопѣ еще на канунѣ подступленія русскаго войска, а за тѣмъ отправился въ Бакчисарай. Когда же по переходѣ (Русскихъ) чрезъ линію, ханъ, который съ войскомъ своимъ поспѣшилъ къ рѣкѣ Альмѣ, его призвалъ туда-же, онъ тѣмъ легче могъ извиниться, что ногайскіе Татары взяли у него экипажъ и лошадей и что притомъ у него недоставало провіанта. вмѣстѣ съ г. Буковскимъ онъ, напротивъ того, отправился къ христіанамъ, которые съ семействами убрались въ горы въ окрестностяхъ Бакчисарая. Когда ханъ (говорилъ онъ) выступилъ на встрѣчу русскимъ внѣ линіи, то у него было не только 200.000 человекъ войска, но его всячески подстрѣкали къ войнѣ и вышеприведенными подарками (шуба соболя и турбанъ богато украшенный алмазами ср. р. 186). Хотя послѣ отступленія отъ Перекопа собранъ былъ большой военный совѣтъ, но на немъ ничего или весьма мало было рѣшено, поелику все согласились, что Русскіе уже не были такіе, какъ прежде, когда сотня изъ нихъ бѣжала предъ однимъ Татаринѣмъ. Ханъ по имени Капланъ-Герай, имѣя отроду 64 года, былъ, по словамъ консула, парализованъ въ рукахъ и ногахъ и уже два раза лишился мѣста, будучи постоянно несчастливъ въ своихъ предпріятіяхъ. Знатные-же Татары раздѣлялись на четыре класса; а именно:

- 1) Султаны, принадлежавшіе къ ханскому семейству и занимавшіе высшіе должности.
- 2) Шеремъ бей, князь.
- 3) Шеремъ-мурзы и
- 4) Мурзы, тѣ и другіе, просто дворяне.

Изъ числа султановъ первымъ считается Калга-султанъ, сынъ брата приведеннаго хана. Имѣя въ виду, что онъ начальникъ

войска, его можно было сравнивать съ польскимъ гетманомъ короннымъ, съ тѣмъ только различіемъ, что калга слѣдуетъ непосредственно за ханомъ, и что сему послѣднему никто изъ султановъ, не бывъ предварительно Калгою, не можетъ наследовать. За Калгою слѣдуетъ султанъ Нуррединъ, подполководецъ и султанъ Орбей или Оркани, который можетъ быть сравниваемъ съ польскимъ короннымъ стражникомъ.

Приведенные три сановники считаются главными, за тѣмъ слѣдуютъ сыновья хановъ и другіе султаны тѣ-же фамиліи, занимающіе, смотря по своимъ способностямъ, мѣста болѣе или менѣе важныя.

Далѣе говорилъ Эворка, что Крымъ производитъ въ изобиліи не только для потребленія но и для вывоза, въ особенности медь, неуступающій польскому т. н. Липецкому, воскъ, хорошую шерсть, масло, пшеницу, рожь, барановъ, коней однихъ ежегодно отпускается въ Константинополь до 100,000 головъ, рогатый скотъ и соль, которая въ лиманахъ садится въ іюнь мѣсяцъ подобно льду, а въ сентябрѣ снова исчезаетъ.

Крымскихъ или переконскихъ Татаръ считалось до 150,000 вооруженныхъ, да кромѣ того на случай войны имѣлось еще подоружіемъ до 40,000 семействъ ногайскихъ Татаръ.

Весь полуостровъ раздѣлялся на 40 кайтоновъ, заключающихъ въ себѣ, каждый, отъ 30 до 40 селеній и находившихся подъ вѣдомствомъ судьи или кади.

Доходы хана простирались примѣрно до 1000 кошелековъ, по 500 брабантскихъ талеровъ (Löwenthaler) каждый. Тутъ подразумеваются какъ обыкновенныя субсидіи Порты, такъ и доходы съ этого края, которые ханъ получаетъ съ городовъ и селеній, населенныхъ преимущественно Греками, съ таможенныхъ по пошлинѣ за привозные и отпускные товары (ок. 80 кошелековъ) и соли (около 40).

Калгѣ Султану принадлежать города Акмечеть, Султанъ-Сарай и Карасу (*Karassa*: Карасу-базарь), который по объему и по торговлѣ превышаетъ Бакчисарай. Кромѣ того ему принадлежали многія населенныя христіанами селенія, такъ что доходы его годовые простирались до 300 кошелековъ.

Султану Нурредину принадлежать городъ Эскикрымъ, лежащій внутри края въ 50 верстахъ отъ Каффы, равно какъ и городъ Судакъ, гдѣ растетъ лучшее Крымское вино. Доходы сего сановника составляли около 60 кошелековъ, кромѣ 10—12 кошелековъ назначаемыхъ ему Портою съ доходовъ Каффинскихъ

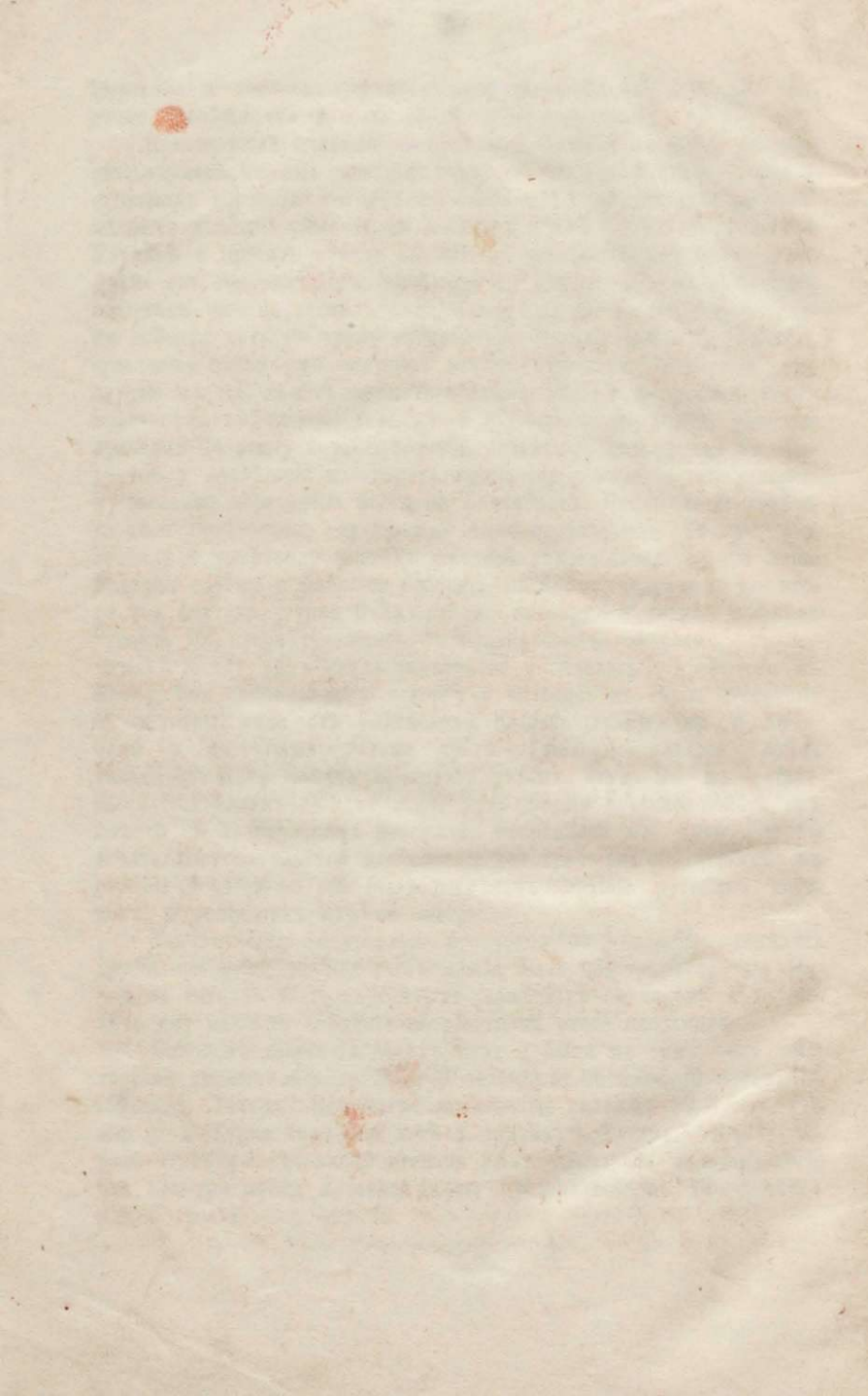
Султанъ Орбей или Оркани пользовался доходами города

Перекопа и товаровъ туда доставляемыхъ для привоза или от- пуска. Вообще его доходы около 100 кошельковъ.

Приведенный польскій дворянинъ Буковскій въ свою очередь рассказывалъ, что онъ товарищъ короннаго кравчаго Госкаго, и что его отправилъ коронный гетманъ съ тѣмъ, чтобы жаловаться на враждебныя дѣйствія Орликскихъ козаковъ въ апрѣлѣ въ польской Украинѣ и просить отвѣта на письмо, которое имѣлъ при себѣ. Далѣе онъ говорилъ, что, прибывши 18 мая н. ст. въ Перекопъ онъ тамъ уже не засталъ хана, выступившаго на встрѣчу русско- му войску: хотя по этому губернаторъ Перекопскій ему послалъ сказанныя письма, но получилъ отвѣтъ отъ хана, что онъ, по случаю похода, не могъ заниматься этимъ дѣломъ и просилъ, чтобы посланникъ имѣлъ еще терпѣніе и подождалъ до болѣе удобнаго времени. По этому онъ, Буковскій, оставшись еще 4 дня въ Перекопѣ и неимѣвшій съѣстныхъ припасовъ, согласно изъявленно- му желанію переведенъ былъ въ Бакчисарай. Послѣ шестидневна- го тамъ пребыванія, ему суждено было видѣть, что Татары раз- грабили и умертвили многихъ жителей римско-католическаго испо- вѣданія, почему и рѣшился спастись въ Каффу, получивши для это- го отъ знатнаго турка Наймъ-эфенди паспортъ и двухъ человѣкъ стражи. Но, посоветовавшись съ французскимъ консуломъ, съ ко- торымъ между тѣмъ свелъ знакомство и опасаясь отправиться въ Каффу, они напустили свою эскортъ и спаслись въ горы, отстоящія въ полторы мили отъ Бакчисарая, населенныя Греками и Армя- нами и до тупныя только чрезъ ущелье, которое одинъ только человѣкъ можетъ проходить разомъ. Когда же по пушеч- нымъ выстрѣламъ догадывался о приближеніи русскаго войска, онъ выѣхавъ съ французскимъ консуломъ отправился въ путь, чтобы искать покровительство для себя и для христіанъ обитавшихъ въ горахъ. Дорогою-же онъ былъ встрѣченъ партією русскихъ коза- ковъ, доставившихъ ихъ въ лагерь.

Все это было бы довольно правдоподобно, если-бы неимѣлись другія извѣстія, по которымъ можно было подозрѣвать, что ко- ронный гетманъ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ ханомъ и достав- лялъ ему какія то свѣдѣнія посредствомъ этого посланника.

Впрочемъ допесенія обоихъ сходны были въ томъ, что орда ханская уменьшилась до 30.000 человѣкъ, по большей части Но- гайскихъ Татаръ. Всѣ болѣе зажиточные спаслись въ Каффу, гдѣ впрочемъ Турки болѣе не хотѣли принимать Татаръ, поелику го- родъ этотъ уже до такой степени былъ наполненъ народомъ, что ока или три фунта пресной воды продавались по 12 копѣекъ или 3 гроша.

Print
84.

2007110112